характеристика третьего типа погребений, к которому отнесены узкие, длинные могилы под небольшими каменными насыпями. В этой главе также дана сводка всех курганов и характеристика находок. К четвертому типу погребений автор отнес длинные могилы под невысокой плоской каменной насыпью, в которые вместе с погребенным полагался конь. Как и в предшествующих разделах, здесь дана сводка всех погребений этого типа и сопровождающих вещей. Первая часть заканчивается описанием и анализом Тюхтятского клада, содержавшего 178 предметов из железа и бронзы.

Вторая часть работы — поселения и быт кыргызов — содержит ряд разделов, характеризующих памятники, открытые в советский период трудами В. П. Левашевой и автора рецензируемой работы. Исследования этих бедных находками памятников дали весьма ценные результаты. Мастерский анализ вещевого и остеологического материала поселения дал возможность сделать ряд интересных обобщений. В последующих разделах дана характеристика земледелия, скотоводства, охоты и рыбной ловли, ремесла и военного дела. Все эти разделы получили освещение не только на основе могильных инвентарей находок и поселений, но и по весьма ценным наскальным рисункам. В кратком заключении дана характеристика хозяйства и культуры кыргызов.

Рецензируемая работа не только является первой полной сводкой археологических памятников енисейских кыргызов и их систематизацией, но и дает некоторую историческую оценку их. Анализ обряда погребения, разбор поселений и вещевого материала позволил автору весьма полно осветить хозяйство, быт и богатую культуру предков современных хакасов. Тщательный анализ находок позволил точно датировать материал, что представляет большую ценность для историков. Автор выделил привозные китайские вещи, весьма убедительно сделав это путем привлечения большого сравнительного материала. Нельзя не отметить интересный разбор вещей из Копенского Чаатаса, где опять-таки путем скрупулезного анализа установлен сложный характер древнехакасского прикладного искусства. Сложившееся на базе предшествовавшего ему скифо-сибирского стиля, оно включило новые элементы, частично принесенные с иранского Запада и китайского Востока, переработанные и претворенные в новые прекрасные формы.

Достоинство работы усугубляется тем, что значительное число курганов и поселений, в том числе наиболее ценные для исторических выводов Уйбатский и Копенский Чаатасы, исследованы самим автором ее. Им же открыты многие детали погребального обряда, в числе которых тайники, составляющие характерную черту некоторых курганов знати, обогатили наши музеи первоклассными памятниками народного творчества. Автор работы сделал ряд ценных наблюдений и выводов, убедительно доказал на материале погребений генетическую связь кыргызской и таштыкской культур, отметил в системе расположения каменных курганов Больших Чаатасов отражение общественной структуры кыргызского государства. Интересен анализ писаниц, использованный для обобщений и выводов. Автор исправил ошибочное утверждение Адрианова о вторичном погребении (перехоронении), правильно указав, что исследователь встретился с типичной картиной разграбленного погребения. Интересны наблюдения над тамгами и сопоставление их с архонской письменностью.

Основные положения хорошо и убедительно аргументированы и не вызывают возражений. Однако нельзя не отметить некоторую робость в исторических сопоставлениях и обобщениях, иногда чрезмерно кратких. В работе есть некоторые неточности. На стр. 8 автор, касаясь погребений переходной эпохи между таштыкской и кыргызской культурами, не раскрывает содержания этого термина и не определяет, к какому времени относятся эти погребения, каковы характерные их черты. Одного только уничтожения сруба и положения большого количества мяса в погребениях слишком недостаточно, чтобы выделять погребение в переходную стадию. По той краткой характеристике, которая дана автором, вернее считать эту так называемую переходную стадию последним этапом таштыкской культуры; в ней мы видим основные черты, характерные для погребений этой культуры, в частности, как правильно отмечает автор, большинство посуды сохраняет еще все основные черты сходства с таштыкскими. На стр. 20 автор не привел убедительных доказательств в пользу своего утверждения, что стелы на Уйбатском Чаатасе были взяты с таштыкских погребений. Автор датирует стремена из кургана 1 по аналогии с венгерскими VII в. (стр. 28); разбирая же стремя из кургана 5 и находя ему аналогии в венгерских древностях IX—X вв., автор почему-то находит возможным считать его бытование в Минусинске более ранним. Было бы логичнее и первое стремя отнести к более раннему времени.

Недостаточно четко определяет автор погребения слуг и более поздние вводные (стр. 33). На стр. 60 (первый абзац) автор, характеризуя выделенную им IV группу погребений, указывает, что длинные могилы находились под невысокой плоской насыпью, а ниже (на той же границе) к этой же группе отнес погребение в седловине над рекой Таштык под довольно высокой каменной насыпью. Повидимому, размеры насыпи не имели существенного значения.

Некоторые противоречия можно отметить на стр. 73, где вначале отмечено, что на поселениях не было постоянных жилищ, устройство которых требовало бы углуб-

ления в почву, а ниже, при описании поселка близ с. Быстрая, отмечены землянки, открытые В. П. Левашевой. В упрек автору можно поставить отсутствие анализа писаниц, которые широко используются им при характеристике хозяйства и военного дела.

В заключение отмечу некоторые повторения. Так, касаясь связей таштыкской и кыргызской культур, установленных, в частности, на основе пластинок с изображением голов животных, автор говорит об этом на 6, 11 и 21 страницах.

В целом рецензируемая работа представляет не только публикацию археологического материала, но и его историческую оценку. Автор восстановил хозяйство, быт древних кыргызов и дал характеристику культуры различных общественных слоев древнехакасского общества. Ценны материалы, показывающие высокую земледельческую технику и развитие ремесла у хакасов VII—IX вв. Интересны приведенные данные о прекрасных произведениях местного прикладного искусства.

Изданием этой книги Хакасский научно-исследовательский институт сделал достоянием широкой научной общественности большой материал, характеризующий высокую культуру предков одного из народов СССР.

А. П. Смирнов

Мухтар Ауэзов. *Абай.* Гослитиздат, 1948.

Казахская письменная литература молода. Первое стихотворение на казахском языке «Жаз» («Лето») Абая было опубликовано в 1889 г., первый казахский роман «Калым» Аспандиара Кубеева вышел из печати в 1913 г. Роман, рассказ, повесть и многие стихотворные жанры возникали в казахской литературе на основе лучших традиций передовой русской культуры. Но условия колониального режима, установленного царизмом в среднеазиатских степях, стесняли и замедляли развитие молодой казахской литературы. Только после Великой Октябрьской революции расцветает она вместе с литературами других ранее угнетенных народов нашей родины. Казахские советские писатели идут в передовых рядах строителей социалистической культуры. После постановлений ЦК по идеологическим вопросам ими созданы такие высоко значимые познавательно произведения, как «Абай» Мухтара Ауэзова, «Миллионер» Габидена Мустафина, «Сыр-Дарья» Сабита Муканова. Они заслуженно получили высокую оценку нашей общественности. Роман Мухтара Ауэзова «Абай», которым гордится вся советская литература, удостоен сталинской премии.

С 1923 г. Мухтар Ауэзов начинает собирать материалы о жизни Абая и стихи поэта. Он многократно объезжает окрестности Чингиз-Тау (теперешний Абаевский район Семипалатинской области), где кочевал аул Абая.

«Именно в эти годы (1923—1925),— вспоминает Ауэзов,— я встречал людей, непосредственно знавших героя моего будущего романа.

До сих пор в моей памяти живы беседы с учеником Абая Кокпаем. В частности Кокпаем дан мне материал для главы, посвященной Балкыбекскому съезду.

О Джигитеках, долго враждовавших с Кунанбаем, мне рассказывал старейший представитель этого рода — старик Мадияр. Много материалов передал мне сосед и друг Абая Куранжан.

Знаменитый сказочник Баймагамбет, к счастью для нас, прожил долгую жизнь. Еще в детстве я слышал рассказы, многие из которых сказочник запомнил со слов самого Абая [1]».

Сбор сведений об Абае Ауэзов сочетал с собиранием фольклорных и этнографических материалов в тех же районах Семипалатинской области. Среди казахских литературоведов немного таких знатоков народного быта и фольклора Центрального и Северо-Восточного Казахстана, как Ауэзов.

Вклад, внесенный им в изучение жизни и творчества Абая, стал основой новой отрасли литературной науки — абаеведения. В 1933 г. Ауэзов участвует в подготовке к изданию «Толык жыйнагы» — полного собрания сочинений Абая. В этом издании Ауэзову принадлежит биография Абая. С 1934 г. Ауэзов публикует ряд статей о жизни и творчестве Абая в журналах «Литературный Казахстан», «Эдебиет Майданы», Эдебиет жане искусство» [2].

Роман об основоположнике казахской литературы Ауэзов задумал давно. С 1939 г. им была начата публикация текста романа на казахском языке, но автор не оставлял работы до 1948 г., когда читатель получил законченную книгу. В про-

---

[1] Как создавалась эта книга, Беседа корреспондента «Казахстанской правды» с М. Ауэзовым, «Казахстанская правда» от 17/IV 1949 г., стр. 3.

[2] М. Ауэзов, Абай — казахский классик, «Лит. Казахстан», 1935, № 2; М. Ауезов. Абай акындыгынын сейналасы, «Эдебиет майданы», 1934, № 11—12; М. Ауезов. Абайдын идеалык мэдені і:денулері. «Эдебиет жане искусство», 1939, № 7, и многие другие статьи в 40-х годах.